

Максим ЖИЛЯЕВ

ЭХО

Рассказ

Вдоль берегов холодной реки Тисы тянутся отроги низких Карпатских гор, покрытых густым буковым лесом, прохладным и влажным как дно оврага. Сентябрьские дожди превращают ленивую Тису в мутный бурлящий поток, бьющий о черные сваи старого подвесного моста. От моста начинаются узкие грунтовые дороги, ведущие в гору. Они сиротливо вьются сквозь сырую чащу, пока не умирают на каком-нибудь безлюдном карпатском хуторе; один-два дома среди вишневых садов, и снова бескрайнее лесное молчание, изредка нарушаемое эхом одинокого ручья, бегущего вниз, к реке.

По одной из этих дорог шли женщина и мальчик. Был солнечный осенний день, но высокие деревья, плотно обступившие узкую тропинку, не давали жаре проникнуть сквозь завесу листвы. Когда мальчик поднимал голову, над ним выросла стройная буковая ствол, грозный, как орган. Золотые лучи, пронизывающие красную, осеннюю крышу, уходили в глубину леса, в них безмолвно плавала волшебная пыль. Ребенка пугала гулкая лесная тишина. Ему казалось, что тропинка никуда не ведёт, мама, конечно, заблудилась, и теперь они навсегда останутся в плену этого бесконечного, равнодушного леса. Влажный настил из бурой травы и опавших листьев сильно затруднял ходьбу. Мальчик устал, и уже готов был заплакать, но женщина обещала, что совсем скоро будет опушка, а на ней земляника. И он продолжал семенить рядом, цепко схватив материнскую руку, чтобы страшный лес их не разлучил.

Они вышли на поляну неожиданно: шагнули из сумерек лесного коридора прямо под ослепительный свет послеполуденного солнца. В центре поляны темнел полуразвалившийся сруб колодца. Рядом росла огромная ель, а возле неё... конечно, земляника! Мальчик спрятался под тень еловых ветвей, лег на живот, и долго собирал спелые ягоды. Наевшись, он свернулся на траве рядом с матерью и положил голову ей на колени.

Есть осенние дни в горах, когда, незадолго до заката, воздух вдруг становится прозрачным и нежным, и солнце как будто говорит: “Я отдало вам свое тепло, теперь же возьмите мою ласку”. Еловая тень сдвинулась.

Усталое солнце окутало их своим прощальным неярким светом. Ветер стих. Лес замер. И покой уходящего дня опустился на них покровом глубочайшей безмятежности. Мальчик больше не боялся леса - рядом сидела мама, и он твердо знал, что она будет с ним вечно. Он лежал и смотрел, как по высокому карпатскому небу плывут редкие облака, похожие на загадочных зверей из сказки. Неба было немного – лишь далекий, голубой вырез над зеленым дном поляны, окруженной плотной лесной стеной. Женщина ласково перебирала волосы на голове сына и тихо рассказывала ему о том времени, когда она сама была шестилетней девочкой, и вместе с его бабушкой часто проходила на эту поляну. Она говорила, что колодец, давным-давно вырытый здесь неизвестно кем, медленно разрушался, вода постепенно пропала (должно быть, утекла в Тису), и ничего, кроме эха, в деревянном срубе не осталось.

- А что такое эхо? – поднял голову сын.
- Пойдём, покажу, – улыбнулась женщина, - крикни вниз, - сказала она, подведя его за руку к колодцу.

Мальчик оперся руками о почерневшую от времени деревянную балку, осторожно наклонился над темной глубиной колодца и с опаской крикнул.

- Ау!
- Ау-ау-ау... - отозвалось эхо.
- Угу-гу -гу.
- Гу-гу-гу... - раздалось из колодца.
Ребенок засмеялся:
- Смотри, мама, он отвечает. Эге-ге-ге ...
- Ге-ге-ге ...
- Парус ...
-Рус-рус-рус ...

Так часто играют дети, даже не зная имен друг друга, когда игра бесхитростна, и радость делится на всех одинаково. Мальчик сочинял слова, ронял их в колодец и, затаив дыхание, ждал, пока через секунду не отвечало ему из колодца чуть глухое, и очень довольное эхо. Иногда, тайком от эха, он пропускал свою очередь и замолкал, а обманутое эхо продолжало повторять последний слог уже забытого, ненужного слова, а потом они вместе хохотали неизвестно над чем. Порой он отворачивался, отходил в сторону и делал вид, будто игра ему надоела - и тогда эхо, конечно, тихо плакало там, у себя, в глубине колодца. Но мальчик любил эхо и не хотел его

огорчать; не прождав и минуты, он бежал обратно к колодцу, и эхо приветствовало его гулко и весело, как долгожданного друга.

Похолодало. Низкое солнце залило небо холодным, розовым цветом. Медный от заката лес, вдруг, очнулся и начал заползать на поляну тяжелой, изрезанной тенью. Настало время уходить. Женщина подошла к ребёнку.

- Пойдем, сынок, - позвала она.

- Сейчас, мама, еще немного, я только попрощаюсь с ним.

Мальчик подбежал к колодцу, и, погладив черный сруб, весело закричал.

- До свидания!

Но внизу молчали. Быть может, эхо забыло, что мальчик ждет, или устало, или задумалось глубоко и теперь не слышит его прощания.

- До свидания! - повторил мальчик.

Но эхо не отозвалось.

- Мама, почему он молчит? – обиженно крикнул он. – До свидания ...

Ага-га-га...

И эхо откликнулось: как от слабых язычков огня, внутри зарождающегося лесного пожара, поднимается тонкая струйка дыма, так лился из колодца тихий и тонкий звук. Он становился все громче, пронзительнее и, наконец, вырвался наружу человеческий крик.

- А-а-а-а ...

Разбиваясь о частокол гладких стволов, крик уходил к небу, поднимаясь все выше, пока не растаял совсем в голубом безмолвии.

- Мама! – в страхе закричал мальчик и, бросившись к женщине, крепко прижался к ней. – Ма-ма.

Колодец затих; казалось, эхо сжалось в комок, и в промозглой тишине жадно слушает, что делается там, наверху. И шепчет, с надеждой глядя на крохотный квадрат неба: «Ну что же вы, ну где же вы?»

- Пойдём, сынок, пойдём скорее, – испуганно зашептала женщина.

Но не успела она закончить, как эхо заговорило:

- Мама, мама, - тихо и нежно позвало эхо и заплакало.

- Мама! – закричало эхо в темном склепе колодца, забилося о его сырые стены.

- Мама!!! – зарыдало эхо.

Женщина и мальчик давно ушли, но разбуженное эхо ещё долго бушевало внутри деревянного сруба. Оно шумело и плакало, и с надеждой звало кого-то.